

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ

22–23 октября 2013 года в САФУ состоялся научный семинар докторантов и аспирантов – историков Европейского Севера России. Предметом обсуждения стали актуальные проблемы современной исторической науки, нередко тесно переплетающиеся с активно дискутируемой сегодня темой повышения качества исторического образования и аттестации научно-педаго-

гических кадров. В семинаре приняли участие преподаватели и студенты вузов, а также сотрудники научных учреждений Архангельска. Семинар проходил под руководством профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.И. Голдина. Ниже публикуются краткие содержания докладов участников семинара.

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Проблемы истории, исторической науки и образования в России находятся в последние годы в центре широкого обсуждения. Достаточно упомянуть прошедший Год истории, создание Исторического и Военно-исторического обществ, дискуссию об учебнике истории и др. Это связано и с растущим вниманием государства к исторической тематике, стремлением вернуть обществу историческую память, сформировать уважительное отношение к историческому прошлому, на фундаменте которого во многом основывается настоящее и будущее.

Все это происходит в условиях дискуссий об истории, ее месте и роли в науке, возникающих в современном мире. Само восприятие истории существенно меняется, как и сама наука. Меняются ее образ, направления исследований, структура, теоретико-методологический потенциал. Наряду с развитием глобальной истории,

являющейся важной областью современной глобалистики, которая существенно меняет представления о развитии человечества, всеобщей истории, международных отношений, растет интерес к микроистории, повседневности, человеческому измерению прошлого и настоящего. Переосмысление прежних представлений об областях исторического знания воплощается в понятиях «новая историческая наука» или «новая история» (политическая, военная, экономическая, социальная, культурная и др.). Логика теоретико-методологических построений эволюционировала от дисциплинарности к междисциплинарности, полидисциплинарности и, наконец, к методологическому синтезу.

Для выполнения исследований, и прежде всего диссертаций, историкам следует опираться на теоретический потенциал современной науки и использовать всю совокупность методов:

общенаучных, философских и самой исторической науки. Только в этом случае выполняемые работы будут соответствовать установленным требованиям. При написании докторских диссертаций соискатель должен быть в курсе современных исследований о теории и методологии исторической науки¹, а также представить собственный методологический подход, основывающийся на достижениях российской и мировой науки. Качество диссертаций во многом определяется тем, как сформулированы в них новизна, теоретическая значимость и положения, выносимые на защиту.

В настоящее время развернулся процесс реформирования аттестации научных работников, в основе которого лежит Концепция модернизации системы аттестации научных кадров высшей квалификации в Российской Федерации. Проект Концепции появился весной 2013 года. Основными направлениями являются: оптимизация сети диссоветов – иначе говоря, их сокращение; совершенствование процедур проведения защиты диссертаций и ужесточение требований к опубликованию и обсуждению их научных результатов; введение механизмов репутационной и дисциплинарной ответственности организаций и ученых за качество аттестации; совершенствование работы ВАК и др.

С целью повышения эффективности диссоветов проведен их мониторинг. 24 сентября 2013 года появилось постановление правительства РФ «О порядке присуждения ученых степеней». В нем много новаций, в курсе которых должны быть руководители, члены диссоветов, научные руководители и, конечно, сами соискатели. Указанный документ положил начало обновлению всей организационной и правовой базы процесса аттестации научных и научно-педагогических кадров.

В связи с развернувшейся дискуссией о путях повышения эффективности системы аттестации научных кадров высшей квалификации и многочисленными предложениями, вносимыми в связи с этим, коснемся лишь одной, но ключевой, по мнению автора, проблемы, которая предопределяет качество диссертаций. Уже при утверждении диссертационных тем, а затем при защите необходимо четко следовать главному критерию, изложенному в п. 9 указанного постановления. Для докторских диссертаций, и в частности по истории, – это разработка теоретических положений, «совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение», или решение научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, а для кандидатских – «решение задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний».

И в заключение несколько слов об историческом образовании. Качество его во многом зависит от состояния исторической науки и взаимосвязи с ней, а с другой стороны – от общего положения дел в образовательной сфере, которая в силу целого ряда причин значительно деградировала в постсоветский период. В современных дискуссиях, в частности, активно обсуждается тема единого учебника истории и его концепции. Эта инициатива, исходящая от руководства страны, объясняется желанием дать единое и проистекающее из интересов государства толкование исторического процесса, запечатлеть в человеческой памяти рубежные вехи и главные, наиболее значимые факты и уроки исторического прошлого, устранить фальсификации и ложные интерпретации истории. Но как сделать это, чтобы не нанести ущерб самой истории, реально существующему многообразию ее трактовок, не свести ее к неким догматам

¹ Единство гуманитарного знания: новый синтез / отв. ред. М.В. Румянцева. М., 2007; Медушевская О.М. Теория исторического познания: избр. произведения. М., 2008; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009; Ее же. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011; и др.

нового «краткого курса» – все это очень серьезные вопросы. И ответы на них должны давать сами историки – хранители «исторической па-

мяти» человечества, призванные быть мудрыми, ответственными и объективными толкователями прошлого ради настоящего и будущего.

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Кузьминых Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА С ВОЕННОПЛЕННЫМИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СССР

Политическую работу с военнопленными в СССР можно разделить на четыре периода: 1939–1941 годы – период политического перевоспитания в духе пролетарского интернационализма польских и финских военнопленных; 1941–1945 годы – период становления антифашистского движения, создания и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров; 1946–1949 годы – период проведения массовой политической работы с военнопленными с опорой на антифашистский актив; 1950–1956 годы – политическая работа с осужденными военнопленными и интернированными.

В начальный период Второй мировой войны основные усилия советских политорганов были направлены на формирование из финских и польских военнопленных национальных воинских частей, которые должны были сражаться на стороне Красной армии. Данная работа не увенчалась успехом. Больших результатов удалось достичь в период Великой Отечественной войны, когда из числа военнопленных был сформирован ряд боевых соединений. Создав на своей территории воен-

ные части из числа военнослужащих стран, являвшихся союзниками фашистской Германии, сталинское руководство так и не решилось на формирование немецких военных подразделений, что объяснялось недоверием к командному и рядовому составу бывшей гитлеровской армии.

В послевоенные годы в советском плену осуществлялась подготовка руководящих кадров советской зоны оккупации Германии и других стран Восточной Европы. В силу идеологического воздействия и карьеристских соображений процент пленных, желавших пройти подготовку в качестве будущих руководителей стран соцлагеря, был достаточно высок. Многие антифашистские функционеры после возвращения на родину вступили в компартии своих стран и использовались на партийной и хозяйственной работах.

В каждом лагере был сформирован антифашистский актив, в задачи которого входило не только проведение политической учебы среди военнопленных, но и помощь лагерному руководству в выполнении административно-хозяйственных задач. До 1947 года работу актива направляли

политинструкторы лаготделений. Создание института функционеров в 1947 году усилило роль антифашистского актива в жизни лагерей.

Для проведения политической работы в лагерях было развернуто 1640 антифашистских комнат, 226 радиоузлов, 575 клубов, 985 библиотек с наличием 500 тыс. экз. книг. Для военнопленных выпускались 5 газет на немецком, японском, румынском, венгерском и итальянском языках общим тиражом 137 500 экз., а также бюллетень для военнопленных австрийцев тиражом 6 тыс. экз. Кроме того, из советской зоны оккупации Германии выписывались газеты и журналы общим тиражом 15 тыс. экз.²

Формы и методы идеологической обработки военнопленных отличались разнообразием и массовостью. Только в 1947–1949 годах было проведено 161 915 собраний и митингов, 73 667 семинаров для антифашистского актива, прочитано 252 160 лекций и докладов. В лагерях работали 10 326 политических кружков, в которых занимались свыше 600 тыс. военнопленных. «Узниками войны» было подготовлено более 300 брошюр о своей жизни в Советском Союзе, написано более 2000 воспоминаний о Второй мировой войне, разоблачающих германский фашизм и японский милитаризм³.

В период Великой Отечественной войны агитация и пропаганда были направлены в первую очередь на разоблачение захватнической политики Гитлера и нацистской пропаганды о советском плене, разъяснение бывшим вражеским солдатам и офицерам ответственности за зверства и злодеяния на оккупированных территориях СССР и стран Европы. В послевоенный период акцент агитационно-пропагандистской работы смещается на разъяснение военнопленным сущности социалистического строя и внешней политики СССР, убеждение военнопленных в неизбежности гибели капитализма и воспитание в них готовности встать на сторону «прогрессивных сил, борющихся против мирового империализма». С другой

стороны, разъяснительная работа способствовала повышению производительности труда военнопленных по возмещению ущерба, причиненного СССР гитлеровской Германией и ее союзниками. В связи с тем, что в лагерях содержались военнопленные разных национальностей, политическая работа проводилась с учетом их национальных особенностей.

В плену происходила массовая демилитаризация и денацификация сознания бывших солдат и офицеров вермахта. Если в первые годы фашистские элементы пользовались сильным влиянием в лагерях, то в последние годы их влияние было ослаблено. Относительный успех идеологической обработки военнопленных также достигался за счет высокого авторитета СССР, игравшего важную роль в мировой политике. Немалую роль также имели экономические успехи Советского Союза, за короткий промежуток времени восстановившего промышленность, сельское хозяйство и социальную сферу. Военнопленные, уровень жизни которых заметно повысился вместе с улучшением жизни советских граждан, воспринимали это как преимущества социалистической системы.

Анализ политической работы позволяет выявить ряд присущих ей отрицательных сторон. Во-первых, инструкторы по антифашистской работе слабо ориентировались в политической ситуации в Германии и других странах Восточной Европы. Большинство из них не знали иностранных языков, вследствие чего основную тяжесть работы приходилось перекладывать на военнопленных-активистов. Все это приводило к определенному схематизму и формализму в проведении занятий. Во-вторых, политработники стремились обеспечить высокие показатели роста антифашистского движения для того, чтобы достойно выглядеть в глазах своего начальства. Поэтому нередко в ряды лагерного актива зачислялись лица с сомнительным политическим прошлым.

²Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР: норматив. док. / под ред. В.А. Золотарева. М., 1996. Т. 24 (13–1). С. 527.

³Там же. С. 527–528.

Немаловажную роль в стремлении пополнить ряды антифашистов играл материальный стимул, система льгот и привилегий. Перевоспитанию военнопленных в духе социализма мешала сама лагерная атмосфера: политические беседы проводились с людьми, лишенными свободы, достаточного питания, находившимися в тяжелых бы-

товых условиях. Поэтому нередко политбеседы приводили к обратному эффекту: военнопленные придерживались политики внешнего сотрудничества с политорганами и внутренних старых убеждений. В этой связи говорить о высокой эффективности политической работы с военнопленными было бы явным преувеличением.

*Контактная информация:
адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2;
e-mail: istorial@mail.ru*

Кустышев Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории и культуры Ухтинского государственного технического университета

ЭКОНОМИКА ГУЛАГА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (по материалам Европейского Севера России)

Великая Отечественная война оказала существенное влияние на экономику ГУЛАГа. Ее возможности были существенным образом сокращены вследствие уменьшения численности заключенных в годы войны, послевоенной амнистии и освобождения различных категорий заключенных, задержанных на объектах НКВД на период до окончания войны. По оценкам самого НКВД, общий недокомплект рабочей силы на его предприятиях на второе полугодие 1945 года составлял 750 тыс. чел.⁴

Ориентированная на экстенсивное развитие, гулаговская система принудительного труда, столкнувшись с дефицитом трудовых ресурсов, оказалась в состоянии стагнации. О готовности к постепенному отказу от традиционных форм лагерной экономики уже

в первый послевоенный год свидетельствовала активная поддержка МВД кампаний досрочного освобождения заключенных с последующим прикреплением их к предприятиям в качестве вольнонаемных рабочих. В конце 1945 – начале 1946 года от НКВД новым строительным министерствам был передан ряд хозяйственных объектов. На некоторое время сократился объем хозяйственных работ, выполняемых ГУЛАГом.

На экономический потенциал ГУЛАГа на Европейском Севере России в послевоенный период, на наш взгляд, существенное влияние оказывали два обстоятельства.

Во-первых, лагерная система, дислоцированная в данном регионе, к 1946 году существенным образом растеряла свой людской потенциал. Если на 1 января 1941 года

⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 32.

на территории Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Коми АССР и Карело-Финской ССР действовало 27 исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) с суммарной численностью заключенных более 579 тыс. чел., то к началу 1945 года – только 13 ИТЛ, в которых содержалось более 200 тыс. чел.⁵

Во-вторых, состояние экономики СССР в 1945–1946 годах препятствовало расширению мест заключения и росту объемов их производства. Приоритетной государственной задачей являлось восстановление минимальной системы жизнеобеспечения при одновременном возрождении промышленности и сельского хозяйства на бывших оккупированных территориях. Данные обстоятельства неизбежно должны были привести к снижению экономического потенциала ГУЛАГа на Европейском Севере России.

Особенность гулаговской экономики на Европейском Севере России в послевоенный период заключалась в том, что ее основу составляла производственная деятельность ИТЛ, образованных в 1930-е годы и сохранивших свой потенциал во время войны. Речь идет о лагерях, выполнявших работы долговременного характера: нефтедобыча (Ухтижемлаг), угледобыча (Воркутлаг), лесозаготовка (Каргопольлаг и Устьвымлаг), строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали (Севжелжорлаг и Печорлаг).

В послевоенный период правительство возлагало на МВД все новые хозяйственные обязательства по производству, капитальному строительству, с которыми ведомство просто не в силах было справиться, поскольку объемы планируемых работ значительно превышали организационные и другие возможности МВД.

МВД предпринимало неоднократные попытки отказаться от правительственных заданий,

что приводило к конфликтам с Госпланом, затрагивающим самые разные отрасли экономики.

В своем письме от 17 июля 1948 года № 3448/к МВД ставило вопрос об освобождении от целого ряда работ: эксплуатации железной дороги Кожва – Воркута, Вяртсельского металлургического завода, эксплуатации Печорского угольного бассейна, ряда других работ⁶.

В 1948 году был подготовлен проект постановления Совета министров СССР о строительстве силами МВД гидролизных заводов. Речь, в частности, шла об Онежском заводе, строительство которого было запланировано в районе, где отсутствовало гулаговское строительство. Возведение Жешартского завода силами Устьвымлага также было чрезвычайно затруднено, поскольку данный ИТЛ с трудом справлялся с выполнением своей программы по лесозаготовкам и обеспечению угольной промышленности крепежом, не выполнял запланированных работ по строительству дорог и жилья для заключенных. На Котласский и Кожвинский гидролизные заводы у ГУЛАГа не хватало ресурсов, поскольку им велись работы по строительству вторых путей и электрификации Печорской дороги, строительству железной дороги № 501, порта в Обской губе общей стоимостью около 8 млрд р.⁷

Практически во всех этих случаях протесты МВД были отклонены правительством. Помимо того, министерства и ведомства представляли в правительство проекты постановлений о направлении в промышленность рабочей силы из числа заключенных, не согласовывая данный вопрос ни с Министерством внутренних дел СССР, ни с Госпланом СССР.

В этой ситуации руководство МВД, ГУЛАГа неоднократно поднимало перед правительством вопрос о снижении объемов контрагентских работ. Но, несмотря на протесты МВД СССР,

⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справ. / сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М., 1998. С. 162, 192, 198, 225, 249, 284, 288, 290, 298, 307, 327, 348–349, 364, 381, 385, 387, 397, 410–411, 495, 499, 524.

⁶ История сталинского ГУЛАГа. Т. 3. ... С. 253.

⁷ Там же. С. 245–254.

Совет министров СССР продолжал принимать решения о выделении различным министерствам дополнительных контингентов заключенных. Руководство МВД фактически перестало выполнять такие постановления правительства, ссылаясь на отсутствие трудоспособных заключенных и особенно подчеркивая тот факт, что эти решения принимались без согласования с МВД⁸.

Анализ послевоенного периода позволяет фиксировать принципиальные изменения, опре-

деляющие новый вектор развития гулаговской экономики и свидетельствующие о снижении ее мобилизационного потенциала. В обозначенный период в условиях ресурсного дефицита ГУЛАГ частично сворачивает крупные инвестиционные проекты, имеющие военно-стратегическое значение. Данное обстоятельство способствовало снижению экономического потенциала ГУЛАГа на Европейском Севере России.

Контактная информация:

адрес: 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Сенюкова, д. 13;
e-mail: zav_hist@ugtu.net

Павлушков Александр Рудольфович, кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ КАРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Современная историческая наука вбирает в себя разнообразные, уже сложившиеся классические и новые научные школы, позволяющие под различным углом анализировать социальные явления. Как правило, каждый исследователь сталкивается с проблемой внутреннего выбора научной стратегии в силу того, что каждый подход имеет свои преимущества перед другими. Методологический плюрализм обеспечивает широкие возможности выбора, но и создает определенные сложности для исследователей⁹. Поиск собственной стратегии – важнейшая задача для любого исследователя, от

решения которой во многом зависит и применение методического инструментария.

Сложность и специфичность изучения карательной системы Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) заключается в необходимости использования междисциплинарного подхода, без которого невозможно сделать полноценный историографический обзор и разобраться в институциональных особенностях церковного наказания. Обращение к работам специалистов различных областей знаний: истории церкви, церковного и государственного права, пенологии, истории государственного управления –

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 192. Л. 93, 94, 122.

⁹ *Голдин В.И.* Наука, науковедение и высшая школа. Архангельск, 2008. С. 17.

© Павлушков А.Р., 2014

позволяет сделать комплексный анализ изучаемого явления или получить дополнительную информацию при дефиците исторических исследований. Подчеркнем, что данная тема является частью более крупного исследования о роли РПЦ в системе социально-правовых отношений¹⁰, которая еще недостаточно разработана исторической наукой. Поэтому, с одной стороны, возникает объективная потребность в расширении информационного горизонта исследования за счет смежных гуманитарных наук, в поле зрения которых попадали отдельные аспекты взаимодействия церкви и государства в карательной политике, а с другой стороны, это накладывает серьезную ответственность и повышенные требования не только к подбору материала, но и к его дальнейшему интерпретированию.

Понятие «карательная система» подразумевает набор специфических средств и форм наказания (в виде соответствующих санкций), которые церковь и государство используют для защиты собственных интересов и укрепления своих позиций. Первоначально наказания внутри церковной православной корпорации применялись прежде всего по отношению к клиру. Об этом свидетельствуют многочисленные решения вселенских и поместных соборов восточной христианской церкви, направленные на улучшение нравов в собственной среде. Традиция Византийской церкви была воспринята русским обществом, в котором церковное наказание стало важнейшим социальным регулятором внутренней жизни церковной организации. Учитывая эти особенности, исследователи обращаются к изучению истоков и социально-исторической природы правонарушений в среде духовенства на основе междисциплинарного подхода. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что многие из правонарушений являлись ответом на сложные и противоречи-

вые процессы модернизации российской государственности.

У РПЦ сложилась собственная широкая система наказаний, применяемых в совершенно разных направлениях: по отношению к клиру и по отношению к «миру»; за семейные, религиозные правонарушения и некоторые уголовные преступления. Церковная система наказаний существовала как самостоятельное звено наряду с государственными наказаниями, при этом часть церковных наказаний была адаптирована и воспринята политической властью в форме отдельных статей уголовного законодательства.

Изучение каждой формы церковного наказания уже само по себе представляет самостоятельную научную проблему, поэтому целесообразно ограничиться исследованием наиболее ярких форм наказания, приближенных к сложившемуся представлению о карательных институтах. К таковым относятся монастырское заключение, телесное наказание, штрафы. Самостоятельную категорию осужденных составляли колодники духовного ведомства: они отличались от арестантов, осужденных государственными судами, имели многослойную социальную структуру. Наиболее интересным для изучения в силу отсутствия исторических исследований является, на наш взгляд, категория колодников Святейшего Синода.

Таким образом, методологически важным является рациональное осмысление сложившейся традиции церковно-государственного взаимодействия в области карательной политики. Традиция церковного наказания была воспринята и адаптирована государством в собственных интересах, при этом внутрицерковная система наказаний продолжала сохраняться так же, как и автономия церковного права¹¹. В этом смысле при изучении карательной системы Русской Православной Церкви можно считать оправданным выбор междисципли-

¹⁰ Павлушков А.Р. Русская Православная Церковь в системе социально-правовых отношений в имперский период: постановка основных вопросов научного исследования // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гум. и соц. науки. 2013. № 2. С. 148–150.

¹¹ Остроумов М. Введение в православное церковное право. Харьков, 1893. Т. 1. С. 38–39.

нарного системного подхода. Он позволяет более полно описать этот социально-исторический феномен на основе рассмотрения его отдельных элементов (в данном случае – различных форм церковного наказания). Обращение к структуре органов государственного судопроизводства будет излишним, т. к. церковные

наказания в уголовном законодательстве играли второстепенную, дополнительную роль. Однако судебная организация непосредственно РПЦ может представлять серьезный научный интерес в силу того, что через нее можно проследить генезис применения церковного наказания.

Контактная информация:

адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2;
e-mail: apavlushkov@yandex.ru

Бестужева Ксения Георгиевна, аспирант кафедры регионоведения и международных отношений института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ БАРЕНЦЕВА РЕГИОНА

Человеческое измерение Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) включает в себя вопросы сотрудничества в области культуры, образования и науки, туризма и контакты между людьми. Наиболее важной сферой сотрудничества как для России, так и для ее северных партнеров является сфера образования и науки. Успешное и устойчивое взаимодействие в этих областях сможет, во-первых, обеспечить наилучшее понимание между людьми региона и развить новые знания, а во-вторых, поможет включиться БЕАР в европейское и всеобщее сотрудничество и сформировать собственное научно-образовательное пространство как неотъемлемую часть Болонского процесса и европейского научного пространства.

Ведущую роль в образовательном и научно-исследовательском сотрудничестве играют с российской стороны Северный (Арктический) федеральный университет, Мурманский государственный гуманитарный университет, Петрозаводский государственный университет,

а с зарубежной – Университет Оулу, Лапландский университет, Университет Тромсё и др.

В развитии сотрудничества в сфере образования и науки можно выделить несколько важных периодов. В первый период – с 1986 по 1993 год – идет установление первых контактов. История сотрудничества в рассматриваемых областях началась в 1986 году с посещения Архангельска норвежцами на яхте, где были историки, музейные работники, журналисты. Тогда состоялись первые встречи архангельских и норвежских ученых. Годом позднее две архангельские яхты посетили норвежские города. В ходе поездок состоялись обсуждения совместных исследований по вопросам освоения Арктики, общей истории и русско-норвежских связей. Стороны пришли к общему мнению о необходимости обмена информацией, совместных публикаций, проведения двусторонних научных конференций.

В 1989 году состоялась 11-я конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии –

первый международный научный форум. В этот же период выходит первый сборник научных статей «Исторические связи Русского Севера и Норвегии».

Второй период – с 1993 по 2003 год – ознаменовался проведением совместных конференций и семинаров, установлением связей и отношений, изданием совместных книг. Самая первая международная конференция в рамках уже созданного Баренцева региона прошла 20–23 апреля 1993 года в Архангельске и была посвящена сотрудничеству в сфере образования и научных исследований.

Наиболее плодотворно развивалось международное сотрудничество в области исторических исследований. К весомым результатам в этот период времени в сфере науки можно отнести ряд успешных проектов: «Россия и Норвегия в XX веке», «Государство, религия и этничность на Севере. 700–1990», «Религия, церковь и образование в Баренц-регионе», «Экология духа», «Истоки», «Политические науки для Северо-Запада России» и др.

Особым этапом в развитии отношений в области образования и научных исследований стал 2003 год. Тогда произошло несколько важных событий для Баренцева региона. На встрече глав правительств была принята новая Декларация, где обязательства сторон в области образования и науки стали более емкими по содержанию. В этом документе высоко оценивалось значение Баренцева сотрудничества для высшего образования и науки, а также для развития самого региона. Россия присоединилась к Болонскому процессу. Рабочая группа по науке и высшему образованию БЕАР выступила

с инициативой формирования единого научно-образовательного пространства региона.

Необходимо выделить 2010 год, ставший рубежом в развитии процессов интернационализации в области высшего образования и науки, формирования Общоевропейского пространства научных исследований, Общоевропейского пространства высшего образования и Баренцева научно-образовательного пространства.

Анализируя современные процессы развития БЕАР, можно утверждать, что развитие образования и науки относится к числу важнейших приоритетов развития региона. В 2013 году состоялось подведение итогов двадцатилетнего сотрудничества в БЕАР. Была подписана новая Декларация, где стороны выразили полную поддержку дальнейшему укреплению сотрудничества в области образования, научных исследований и инноваций.

В целом следует признать, что за прошедшие годы была проделана большая работа по реализации сотрудничества в сфере образования и различных наук. В результате такой работы сложилась наука о границах и трансграничном сотрудничестве регионов и людей – «borderology»; были созданы Международный Баренцев институт, Университет Арктики, Баренцев трансграничный университет и др.

Таким образом, дальнейшее расширение международного сотрудничества в деле развития науки и высшего образования, подготовки специалистов будет способствовать развитию человеческого измерения БЕАР и системы международных отношений в регионе и на европейском континенте в целом.

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;
e-mail: ksubest88@mail.ru

Составители:

Голдин Владислав Иванович,

доктор исторических наук, профессор

Бестужева Ксения Георгиевна, аспирант